

Обинье устно ответил ему: «Второе предложение было бы мне удобней, чтобы в мире и безопасности есть хлеб моей неверности; но моя совесть следует за мной по пятам, она сядет вместе со мной на корабль, если я отправлюсь в Бель-Иль. Итак, возвращайтесь и будьте уверены, что, если бы не мое обещание, я отправил бы вас к королю».

В Пуатье некий капитан Дофен пиратствовал в болотах Пуату и Сентонжа. Обиженный графом де Бриссаком, он пожелал ему отомстить. В то время члены Лиги многократно пытались взять Майезэ, чтобы спасти своего короля; Дофен дал знать Обинье, что хочет поговорить с ним с глазу на глаз; Обинье получил два особых предупреждения: одно из Пуатье, другое из Ла-Рошели, что этот Дофен подослан де Бриссаком убить его, Обинье. Тем не менее, не желая отказаться от своего намерения, захватить в плен графа, он пожелал удостовериться в намерении Дофена необычным способом. Назначив ему свидание в одном покинутом доме на рассвете, губернатор вышел из крепости совершенно один, приказал поднять за собой мосты и, встретив Дофена, сказал ему: «Мне хотели помешать говорить с тобой, так как ты будто подослан меня убить; и я не захотел расстроить наше дело, но хочу рассеять это подозрение честным поединком: вот я принес кинжал, ты можешь взять его или мой собственный, чтобы с помощью оружия исполнить свое обещание; если хочешь, можешь это сделать с честью. Вот лодка, которую я приказал привести, чтобы дать тебе выбраться из болота». Услышав это, Дофен бросил свою шпагу к ногам Обинье со всеми изъявлениями покорности, на какие только был способен этот грубый человек, и таким образом они доверились друг другу. Заметьте это происшествие как один из моих важных проступков.

Через некоторое время дю Плесси-Морнэ вступил в богословский спор с епископом Эвре⁶. Две недели спустя в Париж прибыл Обинье. Король уполномочил его выступить в прениях с тем же епископом. Прения продолжались пять часов в присутствии четырехсот видных лиц. Епископ уклонился от доводов, произнося длинные речи. Обинье же составил доказательство, две посылки которого взял из вышеупомянутых речей епископа в его же выражениях. Вынужденный распутывать этот узел, епископ так устал, что у него со лба на рукопись Златоуста скатилось столько пота, сколько могло бы влиться в скорлупу яйца. Конец этого спора определился следующим силлогизмом:

«Кто заблуждается в каком-нибудь вопросе, не может быть в нем судьей!

Отцы церкви заблуждаются в вопросах богословских споров, как это обнаруживается в том, что они противоречат самим себе.

Следовательно, отцы церкви не могут быть судьями в вопросах богословских споров».